

Против Штайнера Православие и Вальдорфская педагогика

Вальдорфская педагогика теперь становится все более популярной или уж, во всяком случае, ищет быть таковой. При этом нередко вальдорфцы пользуются поддержкой самых высоких государственных органов. Помещения для "Центра педагогики и лечебной педагогики Рудольфа Штайнера", основанного и поддерживаемого швейцарцами, были выделены по распоряжению Правительства Москвы, исполняющего личную просьбу президента Швейцарии г-на Небекера ¹¹. В документе, подписанном г-жой Э. Штеклин, директором вышеупомянутого центра, говорится о намерении к 2003 году завершить переход этой "швейцарской инициативы" в "чисто русскую инициативу", что подразумевает передачу в государственные школы "драгоценных педагогических импульсов" от вальдорфской педагогики ¹².

Наконец, в статье русского вальдорфца г-на Загвоздкина (Учительская газета № 42 от 13.10.1998) читаем, что "в идеале в российских условиях вальдорфские школы должны всеми силами избегать статуса "частных школ" - иными словами: стремиться стать государственными. Если вспомнить, что мы уже имеем сегодня Указ президента РФ "О развитии психоанализа" и постановление Государственной Думы, объявляющее "российским национальным достоянием" философию Рерихов, - более того: имеем учрежденную Министерством культуры РФ "Государственную академию эвритмического искусства" (о самом искусстве см. ниже), то отчего бы и не ждать тогда появления "к 2003 году" постановления или указа под заглавием, скажем, "О развитии вальдорфской методики в школах РФ"? И последнее может оказаться "горше первого", ибо вальдорфская методика претендует на воздействие, сохраняющееся в "течение всей жизни" ¹³. Потому православным, во всяком случае, следует уже сегодня со всей серьезностью задать себе вопрос: каким будет это воздействие и совместимо ли оно с теми целями, к которым направляет своих чад Церковь Христова? Увы, полемика с вальдорфцами ведется по преимуществу на уровне газетных публикаций, не позволяющих - из-за ограничений объема и жанра - обсуждать круг связанных с этим вопросов сколько-нибудь серьезно (автору, принимавшему в этой полемике участие, приходилось даже слышать упрек в чрезмерной сложности обсуждаемых проблем). Между тем речь идет об основах нашего мировоззрения, нашей веры.

"Скучный" труд сопоставления вальдорфской доктрины и методики с учением Церкви должен быть совершен, по крайней мере начат - "да приложимся к отцам нашим, вынося отсюда, если не иное что, так Православие" ¹³.

I.

Как известно, начало вальдорфской педагогике положено было в 1919 году, когда владелец табачной фабрики "Вальдорф-Астория" Эмиль Мольт предложил Рудольфу Штайнеру "создать школу для рабочих и служащих фирмы" ¹⁴, что последний и сделал, положив в основу педагогической методы свое собственное учение, известное под именем антропософии. Он именно "на основе антропософии, изучающей развитие человека в телесном, душевном и духовном аспектах, создал педагогику, охватывающую развитие и сил познания в целом, и способностей к искусству, и чувства, и моральных задатков, и религиозного переживания" ¹⁴. При этом, по словам самого Штайнера, он стремился создать не мировоззренческую школу, в которой учили бы "антропософской догматике", но такую, в которой антропософия использовалась бы на практике как "основа методики преподавания" ¹⁴. Запомним эти слова, ибо уже здесь мы сталкиваемся с неким внутренним противоречием, которое, однако, твердо исповедуется всеми вальдорфцами.

Оно сводится к тому, что:

а) вальдорфская педагогика есть антропософия в действии, но однако:

б) в вальдорфских школах антропософии не учат, то есть не направляют учащихся к целям, антропософией полагаемым.

Так ли это на самом деле, мы еще рассмотрим. Теперь же заметим только, что противоречие это не единственное, ибо если мы перейдем теперь уже к собственно антропософии, то и здесь обнаружим, что, с одной стороны, "антропософское движение не есть земное служение, антропософское движение в его целом и всех отдельностях есть служение богам, божественное служение" ¹⁵, но, с другой - "по своей сущности антропософия не вторгается непосредственно в какие-либо религиозные исповедания, в сферу какой-либо религиозной жизни" ¹⁶. Наконец: антропософия "отнюдь не умаляет почитания Христа, преданность Ему, но, наоборот, лишь усиливает то и другое" ¹⁶, и в то же время "в антропософском обществе представлены все вероисповедания и оно не препятствует никому практически осуществлять свое исповедание в самой полной, всеобъемлющей и интенсивной форме" ¹⁶. Как совместить преданность Христу с исповеданием ислама или иудаизма "в самой полной и интенсивной форме"? - даже этот первый приходящий в голову "наивный" вопрос вызывает к более тщательному исследованию, которое, очевидно, подразумевает не менее, чем:

а) изложение основ антропософского учения и его соотнесение с учением Церкви;

б) изложение духовной практики антропософии (ибо, как увидим, именно из нее почерпнуты все основные положения "духовной науки" и сопоставление ее с "духовным деланием" Православия;

в) рассмотрение того, как учение и практика антропософии преломляются в вальдорфской методике.

Эти три взаимосвязанные между собой задачи мы и будем решать по мере сил в данной статье.

Прежде чем перейти к непосредственному изложению взглядов Штайнера, сделаем еще несколько предварительных замечаний. Мы сознательно уходим здесь от обсуждения вопроса о влияниях, оказанных на Штайнера его религиозными и философскими предшественниками и современниками.

Мы также не будем рассматривать эволюцию взглядов Штайнера в течение его жизни, став здесь как бы на точку зрения его адептов, утверждающих, что антропософия базируется исключительно на непосредственном духовном опыте. Это создает для исследователя свои проблемы (наследие Штайнера огромно (353 тома) и во многом противоречиво), однако и для антропософов здесь возникают трудности, ибо приходится отвечать на вопрос хотя бы о том, как "величайший ученик Христа" ¹⁵ мог основать журнал под названием "Люцифер"?

Добавим, что сам Штайнер всячески подчеркивал, что он не теолог, исходя, вероятно, из тех же соображений, из которых Фауст, по его словам, забросил Библию под лавку, "желая называться отныне не теологом, но гражданином мира" ¹⁷.

Однако в своей "духовной науке" Штайнер постоянно касается вопросов в христианстве традиционно богословских, что и позволяет говорить о "богословии Штайнера" хотя бы в чисто техническом смысле. О позиции Штайнера по той или иной богословской проблеме часто невозможно сказать, в чем она заключается, что она есть, но анализ текстов позволяет все же с определенностью утверждать, что она не есть, то есть чего в ней нет. Не предваряя, однако, исследования выводами, обратимся к нему.

II.

Мы ограничимся разбором лишь христологии Штайнера. Во-первых, потому, что для нашей темы (совместимость Православия и антропософии) эта область важнейшая; во-вторых, потому, что имеем здесь серьезных предшественников: в статье "Христианство и штайнерианство" ее уже подробно разбирал протоиерей Сергей Булгаков. Оставим на совести покойного отца Сергия его симпатии к оккультизму, который, по его словам,

"свойственен и Церкви, хотя в значительной мере и утрачен современными церковниками" ¹⁸. История его уклонения от Православия достаточно известна, однако в данном случае это, скорее, подтверждает чисто негативные результаты его исследования. Добавим, что произведенный нами до знакомства со статьей отца Сергия и на основании других текстов Штайнера анализ привел к тем же результатам. Потому мы считаем возможным ограничиться здесь изложением основных положений указанной статьи, в оригинале снабженной солидным количеством цитат и ссылок.

Для Штайнера "нет Бога и мира как Творца и творения, но существует мир, представляющий собой живую лестницу божественных потенций или сущностей, иерархию планов и подобного. Бог, боги, божественное, божественные сущности и т. д. - подобные синонимические выражения в какой-то нарочито неряшливой неточности пестрят в сочинениях Штайнера... Это есть своеобразное языческое миробожие, которое не знает Бога над миром, но только в мире... Одинаково не существует личного Бога, как и личности в человеке как неизменного субъекта всех своих состояний. Поэтому нет места и личному отношению человека к Богу, каковым являются молитва и любовь, но существует лишь безличное и обезличивающее растворение в космосе, медитация, "упражнение"... Очевидно, здесь нет места личному Троичному Богу и Второй Ипостаси, сошедшей с небес и воплотившейся от Духа Свята и Марии Девы. Логос - не Бог, и Христос - не Богочеловек, но Он включается в космическую эволюцию как один из моментов, для нашей эпохи имеющий решающее значение... Христос, или Логос, есть Солнечный Дух. Космическое значение события Голгофы, связанное с излиянием Крови Христовой, состоит в том, что Христос сам "излился в существо земли и Христос есть дух земли, и земля его тело"... В человеческой эволюции воплощение Логоса означает возбуждение принципа "я" - "Аз есмь..." Христос есть сила, которая привела человека к этому свободному сознанию "Аз есмь"... в уста Христа как космического "я" вкладываются такие слова: "когда я говорю об "я", то я говорю о вечном "я" в человеке, которое едино с духовной первоосновой мира... каждый должен Бога, которого я возвещаю, найти в себе как свое вечное основание. "Здесь еще раз устанавливается принцип тождества Бога и мира в человеке" ¹⁸.

Небезынтересна будет для читателя и земная история "Христа Иисуса", источником которой является отнюдь не Четвероевангелие, но "Пятое евангелие", основанное на чтении в "Акаше-хронике"¹, ибо "для того, кто стоит на почве духовной науки, некое утверждение не является истиной только на том основании, что оно взято из Евангелия" ¹⁸. При этом, по точному замечанию отца Сергия Булгакова, "если согласно воинствующему религиозному синкретизму теософии все религии согласны между собой, и в этом смысле нет различия между христианством и нехристианскими религиями, между Христом и другими "учителями", то в антропософии сам "Христос Иисус" есть сложное существо, соединяющее в себе путем перевоплощений и совоплощений Будду, Зороастра и Солнечного Духа, именно ему свойственно астральное тело Будды, эфирное тело Зороастра, также и "я" последнего, которое сменилось наконец солнечным логосом" ¹⁸. Мало того, Иисусов вообще было два. "На основании различий в генеалогии у евангелистов Матфея и Луки Штайнер постулирует наличие двух мальчиков Иисусов, родившихся соответственно от двух пар Марий и Иосифов естественным конечно же образом. Один жил в Вифлееме, другой - в Назарете: "Эти две личности готовят Иисуса; физическое и эфирное тело у Матфеева Иисуса, астральное и "я" у Иисуса Луки" ¹⁸. Душа нафановского (Лк.) Иисуса является носителем "удержанного от грехопадения эфирного тела прадревного человечества эпохи Лемурии"², эфирного тела Адама в его райском состоянии" ¹⁵. В соломоновского (Мф.) Иисуса перевоплотился Заратустра. В двенадцатилетнем возрасте "я" Заратустры переселилось из соломоновского Иисуса в нафановского. В это же время умирают родители нафановского Иисуса и отец соломоновского. Иисус из Назарета живет у матери этого соломоновского младенца вместе с ее детьми. На тридцатом году жизни во время крещения "его эфирное тело было

извлечено, и в него сошла и погрузилась та высокая сущность, которую мы зовем Христовой сущностью" ¹¹⁸. Следовательно, нужно различать Иисуса из Назарета и "Христа Иисуса", Христа в Иисусе из Назарета... Завершающая эту инкарнацию мистерия Голгофы есть основной определяющий факт в космической эволюции, осуществляющий собой древние посвящения. Событие на Голгофе есть превращение в историю, вынесенное на передний план мировой истории древнее посвящение" ¹¹⁸.

Само собой разумеется, что в этой концепции просто нет места телесному воскресению... Христос отдал физическое тело земле, но остался столь же деятелен на земле, как был и в физическом теле. "Это не было бы прогрессом, если бы Христос должен был бы явиться второй раз в физическом теле, ибо тогда Он напрасно являлся бы в первый раз" ¹¹⁸.

Из всего вышеизложенного следует с очевидностью вывод: "Штайнерианство не есть ни "углубление христианства", за которое оно себя выдает, ни даже ересь или особое учение в христианстве - оно просто ничего общего с христианством не имеет... не может быть никакой речи о каком-либо соединении или синтезе между христианством и штайнерианством, может быть только выбор или - или, но не и - и. Попытки соединения суть или недоразумение и недомыслие, или же автогипноз и шарлатанство... Из сказанного достаточно ясно, что в штайнерианстве нет места ни одному из самых дорогих сокровищ веры христианской: нет Премирного Бога, во Святой Троице сущего, нет Небесного Отца и Святого Духа, нет Бога-Слова, воплотившегося и принявшего человеческое естество, нет Сладчайшего Господа Иисуса (ибо какое отношение к Нему имеет монструозное многосоставное существо "Христос Йезус", состоящее из солнечного духа, Будды, двух младенцев и т. п.)... нет Пресвятой Богородицы и бессеменного зачатия (вместо этого мы имеем сказку о двух Мариях и двух Иосифах), нет Евхаристии и голгофской Искупительной Жертвы, нет Воскресения Христова, Пятидесятницы, всеобщего воскресения мертвых, нет индивидуальных личностей, которых ждет воскресение, суд, Вечная жизнь (а есть вечный водоворот воплощений), нет Евангелия и Откровения (а есть Акаша-хроника и разные "учителя"), нет святых, нет Церкви, нет веры и любви" ¹¹⁸.

Здесь, казалось бы, довольно было привести немалый список церковных анафематизмов, под которые подпадают хотя бы только что перечисленные пункты штайнеровской "хринологии", или припомнить рассказ святителя Иринея Лионского (Против ересей. III. 3, 4) об Апостоле Иоанне, встретившем в общественной бане еретика Керинфа и бежавшем из нее в уверенности, что в любой момент своды ее могут обрушиться, ибо в ней находится "враг истины Керинф", - довольно для того, чтобы быть уверенным, что никто из православных не переступит порога вальдорфской школы хотя бы уже потому, что ее название, зарегистрированное во Всемирной организации защиты интеллектуальной собственности, звучит как "вальдорфская (Рудольф Штайнер) школа".

Увы - теперь все не так. Многие убеждены, что из зараженного источника возможно напиться чистой воды: возможно с пользой для души применять "духовную науку" антропософию на практике, не исповедуя штайнеровских заблуждений в теологии.

Это заставляет нас продолжить исследование и поставить вопрос об источниках антропософии как науки вообще. Источник у нее, впрочем, собственно, один - сам доктор Штайнер: "когда говорит оккультист, он не дает догматов, он дает свои живые переживания, он рассказывает, что сам видел на астральном и духовном планах или что ему раскрыли учителя, познанные им как таковые" ¹¹⁶. Итак, доктор Штайнер и его учителя как источник антропософии.

III.

Оговоримся сразу, что мы будем излагать здесь прежде всего "духовную" биографию Штайнера, основанную прежде всего на его собственных высказываниях,

касаясь при этом событий его внешней жизни только по мере надобности³. Начнем с того, что уже в семь лет он имеет первый опыт общения с духовным миром: явление умершей родственницы "в эфирном". С этого времени также "весь мир элементарных духов раскрывается перед ним" ¹⁵. По его собственным словам, "хорошим учеником" он сделался поздно - когда ему шел уже четырнадцатый год. С этого же времени он начинает постепенно избавляться от своих ошибок в немецком правописании⁴. Такое позднее овладение грамматическим письмом необычайно много дало ему в оккультном развитии" ¹⁵. При этом он увлечен искусством, в частности музыкой, а также геометрией: "Геометрические формы являются тем, что особенно созвучно определенным потокам эфирного тела, силы которого охотно изживают себя во внутреннем их созерцании.

Геометрия эфирного тела, которая имеет свой прямой аналог с геометрией чувственной, - вот что принесло Рудольфу Штайнеру подлинное счастье" ¹⁵. Не будем задерживаться здесь на таких общеизвестных фактах штайнеровской биографии, как глубокое впечатление, произведенное на него еще в юности творчеством Гете и Фихте, хотя фихтевский взгляд на человеческое "я" как на единственно возможную исходную точку всякого познания и лег, очевидно, в основу штайнеровской гносеологии. Но мы отметим другое: мистическую встречу 20-летнего Штайнера с неким "учителем" - как позволительно угадать из дальнейшего, самим Христианом Розенкрейцером⁵, легендарным основателем учения и общества розенкрейцеров.

Именно от него принимает Штайнер посвящение, принцип которого состоит в том, что "первый шаг должен сделать сам ученик, и лишь затем следует ответ духовного мира" ¹⁵. Вскоре после этого он переживает борьбу с Люцифером: "В мистике отношение человека к духовному приходится вполне предоставить "субъективному чувству", а в произволе субъективного как раз и царствует Люцифер... Проводя все это перед своим душевным оком, я все более усиливал в своей душе силы, находившиеся во внутренней оппозиции мистике... Не представляло особого затруднения придавать этому душевному конфликту во внутреннем существе ясность, разрешающую его в конце концов", - так констатирует Рудольф Штайнер свою "действительную победу над Люцифером" ¹⁵. "Без особых затруднений" справившись с падшим ангелом, Штайнер приступает к главному: "в полном одиночестве при помощи лишь своего внутреннего света... осуществить то, что все человечество должно было достигнуть лишь в более или менее отдаленном будущем - новое соединение с духовным миром через принцип "я", через соединение с силами живого Христа" ¹⁵. Ему удается и это. Тогда, по его словам, он переживает личную встречу со Христом - тоже "в эфирном", - встречу, аналогичную, если не идентичную встрече Апостола Павла на пути в Дамаск. Разница в одном: Апостол встречи не искал, Штайнер же достигает ее собственными усилиями "чисто внутренним медитативным путем" - происходит, так сказать, явление Штайнера Христу.

Скажем теперь об особенностях этого "медитативного пути"⁶ как они выступают из работ самого Штайнера. Во-первых, он не видит особой разницы между христианской молитвой и медитацией, отдавая, разумеется, предпочтение последней. По его мнению, христианин также пытается с помощью молитвы получить "доступ в высшие миры" ¹⁶. Да и вообще изначально христианская молитва и была "ничем иным, как медитацией" ¹⁶. Преимущество медитации - в ее сознательности, между тем как в христианстве человек соединяется со Христом бессознательно - верою (любопытная реминисценция протестантизма - и у духопроходца Штайнера, как видим, есть свой предел, "его же не преjdeши"). И только с XV века возможно стало сознательное соединение со Христом, потому что "я" человека было до тех пор недостаточно развито ¹⁵. Вообще "традиционное христианство" для Штайнера - пройденный этап, низшая ступень, сравнительно с антропософией, - именно в этом, скажем, забегая вперед, корень знаменитой вальдорфской веротерпимости: "то, в традициях какой религии воспитывается ребенок, имеет для него несравненно меньшее значение, чем то, что происходит его встреча с истинной душевной жизнью" ¹⁹. Напротив, медитация как раз и ведет к этой жизни; ведь

она (медитация) "может пробудить у медитирующего глубокие силы, дремлющие в каждой человеческой душе... Для большинства людей достижение более высоких ступеней ясновидческих способностей есть лишь вопрос времени, терпения и энергии" ^{Л6}.

Мыслительное содержание медитации составляют мантры. Приведем несколько наугад:

- Аум! Аум! Правят злые силы.

- Великий всеобъемлющий дух.

- Я взираю во тьму.

- И Христос живет во мне.

- Ты моя душа.

- В этом знаке ^{Л10}.

- Чтобы через меня действовали духи, чтобы я сделался самосознающим орудием их деяний ^{Л5}.

Легко видеть, что в этих текстах можно найти все что угодно, кроме того, что составляет самую суть всякой христианской молитвы (начиная с самой краткой "Господи, помилуй"), - покаяния.

Для достижения высших ясновидческих способностей человек должен изменить свое эфирное тело. "Тайновидческое обучение состоит не в теоретическом заучивании, а в том, что человек подвергает развитию обычно столь неподвижные, сложившиеся формы эфирного тела. Ученик сделал уже много, если он изменил одну из этих черт своего темперамента или своих основных наклонностей... Отдельных членов какого-нибудь народа можно узнать по тому, что у них общие привычки и темпераменты. Этот основной стержень человеческих наклонностей и привычек, который надо изменить, если человек хочет пройти высшее духовное развитие, и есть то, что составляет тогда его высшее существо. О таком человеке говорят тогда, что он не "имеет отечества", так как он должен изменить свое эфирное тело, посредством которого он бывает связан со своим народом" ^{Л67}. Надо научиться "воспламенять поток, идущий от сердца к мозгу" ^{Л11}, научиться "сердце возводить в голову" ^{Л12}. Начинать же следует с умения "по собственной инициативе поставить себе какую-либо мысль в средоточие души. Не следует думать, что это должна быть какая-либо выдающаяся или особо интересная мысль" ^{Л10}. Итогом этого упражнения будет возможность "полностью осознать внутреннее чувство твердости и уверенности" ^{Л10}. Затем надо каждый день выполнять какое-либо действие, никак не свойственное человеку в обычном течении его жизни. Затем сознательно направить внимание "на позитивное во всех переживаниях" (уметь находить добро во всяком зле - об этом умении подробнее поговорим ниже. - *Прим. авт.*) Возникающее в результате этого "подобное блаженству" чувство "следует привлечь к сердцу и оттуда дать ему устремиться... в глаза, и из глаз во внешнее пространство" ^{Л10}. Засим ученику следует быть готовым принять всякий новый опыт. "То, что он признавал до сих пор закономерным, что казалось ему возможным, не должно служить препятствием для восприятия новой истины" ^{Л10}. Достигший этого заметит, что "в его душу закрадывается такое чувство как если бы в том пространстве, о котором говорилось по поводу предыдущего упражнения, нечто стало живым" ^{Л10}.

На более высоких ступенях ученик переживает "диссоциацию воли, чувств и мышления"⁸ - ее физиологическое проявление есть сумасшествие". Человек, "переживающий это психическое состояние преждевременно (а когда, собственно, сумасшествие уместно? - *свящ. П. Х.*), чувствует себя чрезвычайно тяжело, ему кажется, что... единственный выход из этого мучительного состояния - уничтожить себя... На этой ступени вырабатывается духовная сила, владея которой, человек сохраняет спокойствие в моменты жесточайшего страдания и способность переносить это страдание в одиночестве, не прося и не желая опоры себе... Внешний знак этой ступени - давящая мучительная головная боль" ^{Л6}. На следующей ступени "сердце посвященного как бы озаряется светом истинного понимания, свет этот пронизывает его, как молния, и он видит бесповоротно,

что все земное, все доступное чувствам - не реально, что все это - только иллюзия. Страшное разочарование потрясает его душу, и в ней сразу становится темно" ¹⁶. Зато на высшей ступени человек реально становится господином добра и зла, ибо "нельзя дать способа исцелять, не дав противоположного способа - вызывать болезни, отравлять" ¹⁶. На этих же вершинах, очевидно, "если высшее Я овладело человеком, следовательно, пали оболочки личности, через него может говорить целый хор духов" ¹⁵. Для достижения этого надо принести в жертву иерархиям сверхчувственные силы астрального, эфирного и физического тел, в чем, собственно, и состоит подражание жертве Иисусовой ¹⁵.

Возвращаясь к дальнейшему течению биографии Штайнера и отметив его вступление в теософское общество, а затем уход из него по причинам, представляющим для нас сейчас частный интерес, скажем сразу о главном: пройдя вышеописанный путь посвящения, Штайнер достигает того, что через него начинает говорить "архангел Михаэль" ¹⁵. В его (Михаэля) "сверхчувственной школе" Штайнеру поручается решить на земле задачу создания "новых мистерий" ¹⁵. Сам Михаэль в последней трети XIX века, когда завершается темная эпоха Кали-Юги, спускается с солнца на землю и становится духом времени - отныне именно он ведет человечество к целям, назначенным космической эволюцией. - "Я с вами во вся дни до конца земных времен, - означает именно, что Христос будет всегда говорить через своего духа дня Михаэля с теми, кто ищет путь к нему" ¹⁵. "Пятое евангелие" Штайнера и есть, собственно, второе откровение Михаэля. Их знакомство достаточно давнее: еще во время мистерии Голгофы Штайнер пребывал с Михаэлем в солнечной сфере, откуда и наблюдал за происходящим ¹⁵, теперь же он вступает в круг величайших учителей человечества, таких, как Будда, Заратустра, Ману, Розенкрейцер и т. д., именуемых бодисатвами. А поскольку совокупностью бодисатв является существо, которое "христианское мировоззрение назвало бы Святым Духом"⁹ ¹⁵, то и сам Штайнер находится отныне под непосредственным водительством Святого Духа. Для новых мистерий он строит храм: Гетеанум, являющийся не просто зданием, но также и духовным существом, которому сам Штайнер жертвует свое эфирное тело¹⁰. По предсказанию создателя, Гетеанум должен стоять 300 лет, однако сгорает через три года при таинственных обстоятельствах. Пожар подрывает силы Штайнера - он смертельно заболевает, но до последнего дня и часа упорно верит в свое выздоровление. Впрочем, он успевает сделать главное: основать Всеобщее антропософское общество на так называемом рождественском собрании 1923/1924 года в Дорнахе. Этому предшествовало создание рабочих групп - практикуемый их членами "обратный культ" (о нем см. ниже) должен был возвести их через порог духовного мира в ангельскую сферу. В 1923 году Штайнер ездит по странам Европы, основывая общества различных стран, выходящие уже в сферу архангельскую. Наконец, под непосредственным водительством Михаэля - "духа времени" - происходит то самое "рождественское собрание", на котором Штайнер берет на себя карму антропософского общества, совершив тем самым для него то, "что Христос сделал для всего человечества" ¹⁵. Подобно тому и "отношения Христа с апостолами" составляют прообраз отношений Рудольфа Штайнера и антропософского общества ¹⁵. И как "Христос Иисус" придал новый импульс развитию человечества, так и Штайнер: с него и антропософского общества начинается новая, шестая "михаэлическая" раса на земле: "духовное в первый раз готовится стать расообразующим, и придет время, когда люди больше не смогут сказать: человек выглядит так-то, следовательно, принадлежит он тому-то, он турок или араб, или англичанин, или русский, или немец; но должны будут сказать: человек в прошлой жизни стремился обратиться к духовному в михаэлическом смысле" ¹⁵. Иными словами: в результате того, что Штайнер через жертву своим физическим телом взял на себя карму антропософского общества, "расообразующие импульсы Михаэля... могли отныне вступить непосредственно в само антропософское общество вплоть до физических тел его членов. Этим было положено начало действительной общины Михаэля на земле" ¹⁵. Более того, на том же рождественском собрании рождено было "групповое Я" новой общины, "которое в смысле

духовной науки может быть только определенным существом духовного мира" ¹⁵. В результате сочетания действительной эзотеричности и полной открытости антропософского общества с тех пор стало возможным "внести эзотерические начала во все без исключения области человеческих знаний и деятельности"^{11 15}. Наконец, именно с шестой расой связано возвышение человека в ходе земной эволюции на ступень богочеловеческую: "это будет в шестой расе, в шестом круге, на шестой планете" ¹⁶.

Такова штайнеровская разгадка числа 666.

Подведем предварительные итоги. Даже и первый взгляд на жизнь родоначальника шестой расы, доктора Штайнера, позволяет определить ее как антижитие. Здесь можно найти все, чем отмечена жизнь святых, но только взятое как бы с обратным знаком. Если духовные переживания святых в детстве часто открываются встречей с Ангелом-Хранителем, то у Штайнера - с призраком покойной тетушки. Святые до смертного часа сражаются с "миродержцем тьмы века сего" и его слугами, - Штайнер легко и быстро побеждает то, что он называет "люциферическими силами", чтобы затем служить "духу времени". Святые подвизались в "умном делании", суть которого выражена в молитве Иисусовой, соединяющей в себе и богословие, и покаяние, и просьбу о помощи, и воспитание смирения, - православному читателю не надо приводить подтверждающих это цитат. Штайнер медитирует, сознательно ища в себе самом тайный ход, ведущий в духовный мир. "Путь в Дамаск", если позволительно будет так выразиться, Штайнер проходит в обратном направлении и не замечает этого. Святые учили низводить ум в сердце, Штайнер - возводить сердце в голову. Святые наставляли от Писания и отцов (ум человека, говаривал святитель Игнатий, должен "плавать в Священном Писании").

Штайнер не признает ни авторитета Писания, ни авторитета святых: учит от себя и от "духа времени" - иными словами, "духа века сего". Святые полагали необходимым различать добро и зло ("надо ненавидеть не грешника, но грех") - Штайнер советует находить добро во зле. Святые полагались только на Бога, Штайнер - только на себя. Святые почитали важнейшим "прилепиться Богу", Штайнер - утвердиться в одиночестве. Святые пребывали во смирении, Штайнер - в гордыне. А о том, насколько тонкой и всеобъемлющей была в нем эта духовная гордость, легко судить по его словам о вреде самопожертвования, которое почти всегда является результатом "неизжитой гордости" ¹⁶, - ему и в голову не приходило, что эти слова относятся прежде всего к нему самому. Святые не мыслили себя вне Церкви Христовой, Штайнер основывает свою. Святым Господь открывал час их кончины, "ясновидящий" Штайнер умирает в неведении смертного часа. Сопоставление можно было бы и продолжить, но и так ясно: если путь святых истинен, то путь Штайнера ложен; если их путь ведет к Богу, то его - в бездну: если они говорили Духом Святым, то он - духом лестчим. Во всех случаях и при любых точках зрения это - противоположные пути. Святитель Игнатий Брянчанинов со ссылкой на преподобного Симеона Нового Богослова, описывая состояние людей, впадших в прелесть, очень "похоже" воспроизводит штайнеровские "ступени посвящения", в том числе и стремление к самоубийству¹² - закономерное, "ибо непозволительно, - пишет он же, - человеку устранять смотрение Божие и собственными средствами... отверзать свои чувства и входить в явное общение с духами. Но и это случается. Очевидно, что собственными средствами можно достигнуть только общения с падшими духами" ¹³.

Замечательно, что сам Штайнер отлично понимает: "люциферические существа" могут вызвать в душе иллюзию, будто душа "все глубже проникает в искомый ею духовный мир, между тем как на самом деле она все глубже погружалась бы в тот мир, который люциферические силы пытаются создать как тождественный с их существом" ¹⁴. Однако он убежден: "сила мышления" и здесь способна указать правильный путь. Эта горделивая вера - вполне "в духе времени" - во всепобедительную мощь человеческого рассудка, поврежденного, между тем, в грехопадении, как и все человеческое естество, - эта вера, подменяющая собой веру истинную, и ослепляет, и губит Штайнера: "все виды бесовской прелести... возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние,

что покаяние не сделалось источником, душою молитвы" ¹¹⁵. Поэтому мы не согласимся здесь с отцом Сергием Булгаковым, утверждающим, как помним, что штайнерианство не имеет никакой связи с христианством. Имеет, но именно как нечто обратное по отношению к нему: именно как антихристианство. И подобно тому, как лик Христа на иконах искажается порой в воображении людей, одержимых нечистым духом, так и в писаниях Штайнера Христос приобретает откровенно демонические черты. Христос - солнечный дух, но и Ариман¹³ - солнечный демон, а согласно известному оккультному принципу "как вверху, так и внизу" демон ничем принципиально не отличен от Бога ("Демон - ... идентичен по значению с "богом", "ангелом" или "гением", - см. "Теософский словарь"). Ариман стремится погрузить человека в материальное, но и Христос становится "духом земли", да миссия христианства, по Штайнеру, в том и состоит, "чтобы свести физическое земное сознание до глубочайших пластов материи" ¹¹⁶. Или: "через Иисуса Христа вошло в человека сознательное познание "я есмь" ¹¹⁶, но и "самосознающей сущностью человек стал через Люцифера и благодаря ему" ¹¹⁶. Свет рождается из тьмы ¹¹⁹, а зло растворяется в добре ¹¹⁶. И вообще "принцип Христа" нужен лишь для того, чтобы держать в равновесии столь же необходимые человеку принципы Аримана и Люцифера ¹¹⁵. Вот подлинная нечестивая антитроица Штайнера: солнечный дух Христос, Ариман и Люцифер, в известном смысле обладающая также единой природой. И как в биографии Штайнера, так и в духовной науке его мы постоянно наталкиваемся на "перевертыши" христианского вероучения. Если в Таинстве Евхаристии хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христову, то согласно Штайнеру именно пролитая на Голгофе кровь становится "соком земли" - то есть вином (напомним хотя бы известное описание черной мессы в романе М. Булгакова, где именно и происходит превращение крови в вино)¹⁴.

И самое, быть может, важное для нас теперь: антропософское общество, основанное Штайнером, несмотря на то, что не имеет внешне строгой иерархической структуры и общественного культа (обратный культ - культ индивидуальный по преимуществу), - несмотря на это, оно, несомненно, представляет из себя псевдоцерковь - точнее, антицерковь. Ведь "групповое я" антропософского общества в оккультной же, хотя и не антропософской терминологии есть не что иное, как "эгрегор". "Эгрегор, - пишет современник Штайнера, известный русский оккультист С. Тухолка, - астральное существо, порожденное обществом людей, объединенных одной мыслью и волей и представляющее собой дух сказанного общества. Создание эгрегоров основано на законе магической цепи. Получив от членов общества запасы психической силы, эгрегоры начинают жить самостоятельной жизнью... Умершие члены общества составляют часть эгрегора, питая его и после своей смерти своими психическими силами" (вспомним о жертве, которую Штайнер приносил иерархиям) ¹¹⁷. Антропософы мыслят себя, следственно, как тело своего эгрегора. Или иными словами: кто в Штайнере, тот "нова тварь".

Итак, по всем признакам зачатая в антропософском обществе шестая раса Штайнера есть раса антихриста, хотя основатель ее на роль последнего конечно же не тянет, но в предтечи вполне годится и многое сделал для того, чтобы представить своему владыке "народ приготовленный". Теперь этим занимаются его последователи, и по их убеждению, педагогика и есть одна из тех областей, через которые "антропософско-михаэлический импульс" должен вступить в "земную культуру и пронизать все области человеческой жизни" ¹¹⁵. Нам надобно рассмотреть, как это происходит на практике¹⁵.

IV.

Вальдорфская школа утверждает, что в отличие от обычной она "основана на глубоком знании законов развития ребенка... Подход к человеку как единому целому является главным педагогическим принципом на всех стадиях учебного плана вальдорфской школы" ¹¹⁴. Нет нужды объяснять, что этот "подход" и это "глубокое

знание" суть подход и знание Штайнера - антропософская антропология. И хотя о ложности в целом его учения сказано было выше уже достаточно, остановимся теперь и на ней, чтобы показать впоследствии, как ее ложные принципы реализуются в непосредственной педагогической деятельности вальдорфцев. Потому скажем вкратце и о происхождении, и о назначении человека, и о структуре человеческой личности по Штайнеру.

Человек, Бог и мир слиты воедино: "никогда человек не мог бы соединиться со своим Богом... если бы он сам не был изливанием этого божественного существа" ¹⁶. Человек есть "первороденный космоса" ¹⁷. Он был "макрокосмическим существом, которое некогда весь прочий мир носило в себе и могло воспринять именно только человеческий облик, постепенно выделяя из себя все прочие природные типы", а потому звери - не предшественники человека ни в эволюции, ни во времени, но "отбросы человеческого развития" ¹⁷. В процессе длительной космической эволюции человек минует многочисленные ступени развития, странствуя при этом с планеты на планету и перевоплощаясь. "В утробе матери человек проходит все прежние стадии своего состояния (кем я был на Сатурне, Солнце, Луне, прежде чем принял форму человеческую)" ¹⁶. А "то вечное, то высшее, что проходит через все воплощения", и есть влитая в человека "божественная капля, ставшая самостоятельной" ¹⁶.

Этот процесс Штайнер рисует как вбирание губочками, символизирующими телесность, божественной воды из общего сосуда. Уже отсюда, кстати, ясно, что ядро личности у "последовательного персоналиста" Штайнера сугубо безлично, ибо личность неделима, это аксиома, и из нее нельзя высосать какую-то часть ее, которая затем сама станет личностью. Далее: свою телесность, а вместе с ней и отсутствующую у него ранее свободу человек получает из рук Люцифера и вопреки Иегове - одному из "семи элогимов", сотворивших мир (остальные шесть, между прочим, в сумме и составляют Логос - ¹⁸). Учение о необходимости зла - важная часть антропософской антропологии. "Уже имя Люцифер выражает то, что он и его товарищи были "носителями света". Действительно, именно они разожгли первый свет сознания в человеческой душе... невозможно было бы представить себе расцвет человеческой личности и путь к ее свободе без воздействия люциферического бытия... в ходе времен это влияние было необходимым" ¹⁶ ¹⁷. "Человек должен пережить, что все лучшее и светлое в его природе рождается из тьмы" ¹⁹. Смысл зла в мире - "великий смысл, как и значение тени на светлой чудной картине. Зла самого по себе - нет. Зло существует лишь при наличии добра, как тень появляется только там, где ярче всего свет. Но тень не от света падает. Это не свет излучает тьму" ¹⁶. Остановимся немного подробнее на этом важном вопросе.

Примечания

¹ Согласно "Теософскому словарю" Блаватской, "Акаша" - тонкая сверхчувственная духовная сущность... Фактически, она является всемирным пространством... из которого излучается первый Логос, или выраженная мысль... Акаша имеет лишь один характерный признак, а именно звук, ибо звук есть не что иное, как переведенный символ Логоса - "речи" в ее мистическом смысле. Под Акаша-хрониками тогда следует, очевидно, понимать сведения, почерпнутые непосредственно на верхних "духовных" планах космоса ясновидящим, или "духопроходцем".

² "Первые времена лемурийской культуры совпадают с отделением солнца и луны от земли... Лемурийской культуре предшествовали еще две культуры. Таким образом, после третьей лемурийской коренной расы, наступила четвертая, атлантическая. Ее пятая подраса была семенем нашей пятой арийской расы" ¹⁶. - Без комментариев.

³ Родился в 1861 году в семье железнодорожного служащего. Учился в реальном училище, затем в Венском политехническом институте. Работал как частный учитель, участвовал в издании сочинений Гете. Сотрудник архивов Гете и Шиллера. В 1891 году

защитил докторскую диссертацию по философии. С 1899 по 1904 год преподавал в Берлинской рабочей школе В. Либкнехта. 1900 год - начало антропософской лекционной деятельности по приглашению теософского общества. Между 1906 и приблизительно 1911 годом возглавлял розенкрейцерский орден в Австрии, который, скорее всего, был австрийским отделением ОТО (Ordo Templi Orientis), впоследствии подчиненного А. Кроули, - иными словами, в свой доантропософский период активно занимался оперативной ритуальной магией (см.: *Кинг Ф.* Современная ритуальная магия. М., 1888. С. 147-149). В 1913 году, рассорившись с теософским обществом из-за Кришнамурти, основывает антропософское общество. С 1913 по 1923 год занимается постройкой здания первого Гетеанума, параллельно читая многочисленные лекции в различных городах Европы. 1920 год - открытие первых курсов антропософской высшей школы. В новогоднюю ночь 1922/1923 - пожар Гетеанума. На Рождество 1923 года - новооснование всеобщего антропософского общества. 1924 год - пик лекционной деятельности. Осень 1924-го - весна 1925 года - последняя болезнь, смерть.

⁴ Это известие плохо согласуется с другим вариантом штайнеровской биографии, согласно которому он гениален с младенчества и во всем ¹²¹ Реалии вальдорфской методики, как увидим, подтверждают скорее первый вариант.

⁵ См. "Послание о масонстве" митрополита Антония (Храповицкого) в сборнике "Гностики" (Киев, 1997. С. 431-433).

⁶ Не без внутреннего колебания беремся мы за описание духовной практики антропософии, понимая, что даже и просто знакомство с ней недешево для православных. Увы - в последующем изложении тогда многое может показаться непонятным и необоснованным.

⁷ Необычайно важный текст, который много объясняет в вальдорфской методике. Просим читателя хорошо запомнить его.

⁸ Эти ступени описаны Штайнером, как ступени "древнехристианского посвящения", хотя из контекста с очевидностью явствует, что этот путь пройден им самим. Любопытно, что, начав с рассуждения о том, что "основной нотой настроения участвовавших в христианских мистериях являлось смирение, любовь и преданность Богу, Штайнер утверждает тут же, что успешно прошедший первую ступень ученик должен "постоянно слышать у ног своих журчание воды" ¹⁶. Как не вспомнить здесь отцов, упреждавших нас, что бес не говорит совсем неправду, но полуправду, и в этом его лукавая сущность. См. также работу Штайнера "Путь к посвящению".

⁹ *...а яже на Духа хула, не отпустится человеком* (Мф. 12, 31).

¹⁰ О строении человека по Штайнеру см. подробнее ниже.

¹¹ В том числе и в педагогику - см. ниже.

¹² "Одни из них возбесновались и переходили умоповрежденными с места на место: другие приняли беса, преобразившегося в ангела света, прельстились и пребыли неисправимыми даже до конца, не принимая совета ни от кого из братьев: иные из них, получаемые диаволом, убили сами себя" ¹¹⁵. Обо всем этом хорошо и подробно говорится в небольшой, но многоценной брошюре отца Владимира Елисеева "Православный путь ко спасению и восточные и оккультные мистические учения" (М., 1995).

¹³ Штайнер различает люциферические и ариманические существа: "Люциферические существа, отклоняющие человека от пути развития и уводящие его от решения реальных земных задач (под это определение, между прочим, легко подвести и христианство. - *свящ. П. Х.*). Правильное отношение к этим духовным существам заключается в нахождении равновесия между люциферическими силами и силами, им противоположными, которые Р. Штайнер называл ариманическими, и которые увлекают человека в другую крайность, а именно в отказ от идеально-духовного мира и погружают в ложь материализма" ¹⁹.

¹⁴ То же и с Телом Христовым, которое, согласно Штайнеру, стало землей, а потому и есть хлеб вообще. Отсюда вальдорфская "благодарность хлебу", вовсе не общечеловеческая, а сугубо антропософски религиозная.

¹⁵ При изложении данного раздела мы часто ссылались на фундаментальный труд С. О. Прокофьева "Р. Штайнер и краеугольные мистерии нашего времени", цитируя по нему Штайнера как непосредственно, так и в пересказе автора. Вероятно, из 353 томов собрания сочинений Штайнера можно извлечь и иную некую концепцию. Однако для того, чтобы переубедить нас, нашим оппонентам надо не только доказать, что существуют и иные возможности прочтения Штайнера, но что прочтение С. О. Прокофьева принципиально ложно либо что сам Штайнер противоречил себе во всех тех текстах, на которые так обильно и подробно ссылается Сергей Олегович. Всякий иной вариант ответа будет признан нами неудовлетворительным.

¹⁶ Святые отцы единодушны в мнении прямо противоположном: не свобода от зла, но зло от неправильного употребления свободы, которая дана человеку Богом и является одной из главных характеристик образа Божия в человеке: "Сего человека, почтив свободу, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена онаго, Бог поставил в раю" (*Святитель Григорий Богослов*. Творения. М., 1994. Репринт. Т. 1. С. 666) или "...посему в собственном смысле зло, то есть грех, - это зло, наиболее достойное своего наименования, зависит от нашего произволения" (*Святитель Василий Великий*. Творения. М., 1991. Репринт. Т. IV. С. 150) - то есть свобода первична по отношению ко греху, а не наоборот.

Список использованной литературы

¹¹ Письмо начальника Центрального окружного управления Московского департамента образования Е. А. Потапова от 05.12.96, № 2-6-638.

¹² Из концепции ведения школы при семинаре Центра педагогики и лечебной педагогики Рудольфа Штайнера в Москве; подписано директором Центра г-жой Штеклин 1 ноября 1996 года.

¹³ *Архимандрит Амвросий*. Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М., 1994. Репринт.

¹⁴ *Краних Э. М.* Свободные вальдорфские школы. М., 1992.

¹⁵ *Прокофьев С. О.* Р. Штайнер и краеугольные мистерии нашего времени. Ереван, 1992.

¹⁶ *Штайнер Р.* Из области духовного знания. М., 1997.

¹⁷ *Meyer R.* Wer war R. Steiner. Stuttgart, 1961.

¹⁸ Переселение душ. Сборник статей. Париж. Б. г.

¹⁹ Воспитание к свободе. Альманах вальдорфской педагогики. 1993/1994.

¹¹⁰ *Штайнер Р.* Наставления для эзотерического ученичества. СПб., 1994.

¹¹¹ *Штайнер Р.* Эфиризация крови. М., 1994.

¹¹² *Steiner R.* Die Entstehung und Entwicklung der Eurythmie. Dornach, 1965.

¹¹³ *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Творения. Т. III. М., 1993. Репринт.

¹¹⁴ *Штайнер Р.* Путь к самопознанию человека. Ереван, 1991.

¹¹⁵ *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Творения. Т. I. М., 1993. Репринт.

¹¹⁶ *Прокофьев С. О.* Кармические исследования Р. Штайнера и задачи антропософского общества. М., 1995.

¹¹⁷ Православный путь. Джорданвилль, 1963.

¹¹⁸ *Карлгрен Ф.* Воспитание к свободе. М., 1993.

¹¹⁹ *Кавасила Н.* Семь слов о жизни во Христе. М., 1874.

Священник Павел ХОНДЗИНСКИЙ

Против Штайнера: Православие и Вальдорфская педагогика¹

На первый взгляд, Штайнер говорит здесь нечто весьма сходное с христианским взглядом на вещи: зла самого по себе нет. Однако это утверждение может быть выводом из двух вполне не согласных между собой посылок. Первая: свою собственную природу имеет только добро, только добро существует, и это так потому, что мир создан благим и добрым Богом, создан не из тьмы, а из ничего. Так, когда Апостол говорит, что Бог повелел *из тьмы воссиять свету* (2 Кор. 4, 6), то это *из* означает именно *среди* тьмы, а не *из* в смысле порождения тьмы.

Тогда зло, как не имеющее своей природы, и есть несущее, не существующее. Оно не существует, а бывает, случается, оно случайно². Другая посылка: зло и добро едины или имеют общий источник, тогда ведь тоже можно сказать, что зло не существует само по себе, но тогда оно необходимо, а не случайно. И фраза Штайнера: "это не свет излучает тьму" не зря выглядит незаконченной, хотя и завершает абзац авторского текста. Ее естественным, хотя и не произнесенным дополнением (точнее, произнесенным в другом месте) будет: это тьма порождает свет. Таким образом, и здесь точка зрения Штайнера принципиально не согласна с христианской (напомним, что в антропософском "светлом будущем" зло не исчезнет, а лишь растворится в добре). Но может быть, нагляднее всего на неправоту Штайнера указывают православные иконы: на них нет теней.

В конце эволюции человек должен подняться "до ступени божества" - с одной стороны, благодаря все тем же "люциферическим духам огня, населяющим теперь воздух" [6], с другой - "на свой страх и риск". Ни о каком "обожении по благодати" здесь нет и речи: "человек станет десятой иерархией, которая некогда будет призвана к космическому творчеству, исходя из самой себя" [5]. Другими словами, "путем постепенного развития (человек может претворить) свое собственное существо в то, что в христианстве именуется "Отцом" [6] - не больше и не меньше. В этом процессе самообогащения важную роль играет искусство, прежде всего потому, что, согласно гетевской максиме, "прекрасное есть манифестация тайных законов природы" [7], но главное даже не в этом.

В настоящее время воля в человеке выработана слабее всего: человек может познавать, но имеет слишком мало власти над тем, что познает. Однако в процессе эволюции воля его будет становиться все могущественнее, и "наконец однажды предметы станут настолько ярко впечатлеться в его сознании, что образы их начнут жить глубокой самостоятельной жизнью внутри него, и тогда облекающее такие образы слово человека станет творческим - человек будет не только создавать образ, но и давать ему самостоятельную жизнь... Настанет высочайшая ступень человеческой эволюции, и вместо стихийного творчества в мире чувственном человек начнет творить в сверхчувственном и будет в состоянии воспроизводить самого себя в окружающей среде" [6].

Итак, своим словом построить себе свою плоть - такова штайнеровская альтернатива воскресению из мертвых. А потому: "Художники, творите, пишите, думайте, мечтайте, и иные дальние планеты будут содрогаться от музыки слов ваших" [6].

Непосредственная же задача - переработать всю землю в художественное произведение, построить храм земли [6]³.

Смерть не есть следствие грехопадения. Собственно, и грехопадения как катастрофической ошибки свободного человека не было, ибо свободу человек получает уже "после того" - от Люцифера и в полном соответствии с целями богов и эволюции. Такова карма. Мир и вообще создан иерархиями, "чтобы привести карму к ее проявлению"⁴ [16]. Закону кармы подвержены не только люди, но и боги. Эту-то "божественную карму" и берет на себя Христос, умирая на Голгофе "по решению божественных существ" [7].

Если рассуждать последовательно, то это было, очевидно, его собственной кармой, и потому говорить об искуплении и о любви здесь, конечно, не приходится, если только о любви к той же самой карме. В этом, впрочем, и состоит, оказывается, назначение Христовой любви: пробудить в душе человека "способность принять карму и полюбить ее" [16]. Смерть же есть чисто педагогическое средство, вроде переводного экзамена из класса в класс, то есть от воплощения к воплощению. А чтобы человек успел попробовать всего и всему поучиться, воплощение от воплощения отделено большим промежутком времени, "в течение которого все условия жизни на арене бытия на земле успевают измениться" [6]. В период между воплощениями душа человека последовательно поднимается и вновь опускается по иерархическим планам бытия, но посвященный может проделать этот же путь еще при жизни.

Планы бытия, с одной стороны, связаны с различными фазами эволюции мира, с другой - воспроизводят собой структуру человеческой личности, к рассмотрению которой мы и переходим.

V.

Подробную сравнительную характеристику христианской и антропософской моделей личности мы находим у В. В. Зеньковского в том же сборнике, где напечатана и цитированная нами выше статья отца Сергия Булгакова. Зеньковский также не свободен от софиургических заблуждений, но и здесь они скорее могли бы склонить его в пользу Штайнера, чем наоборот. Потому для наших целей его анализ можно почитать вполне объективным. Отсылая всех желающих к полному тексту статьи, приведем здесь только краткие ее тезисы.

Вопрос о бессмертии души неразрывно связан с вопросом о функции тела. Надо либо признать, что душа уничтожается с телом, либо истолковать, каким образом смерть не разрушает живой цельности в человеке... По существу, здесь возможны только два решения, и оба они выдвинуты религиозной историей - одно учит о воскресении тела, другое - о перевоплощении. В христианском учении о воскресении соединяются два принципа - невозможность естественного восстановления тела и признание необходимости этого восстановления для полноты жизни... Именно идея воскресения, то есть восстановления телесности в человеке, раскрывает нам загадку тела в человеке. Единичность и неповторимость личности относятся, таким образом, в христианстве и к телу.

Учение о перевоплощении, напротив, исходит из посылки о том, что дух как раз вне тела-то и живет наиболее богатой и полной жизнью, хотя и вынужден обретать себе снова тело вследствие кармы. Но отсюда следует и обратное: эмпирия также независима от духа.

Метафизика человека может колебаться лишь между полным исчезновением человека после смерти или воскресением, восстановлением (преображением) его индивидуальности. Учение же о перевоплощении решительно несоединимо с тем пониманием человека, которое покоится на твердо установленных фактах и утверждает единство и целостность личности при иерархическом строе в ее составе [8].

Итак, богословие свидетельствует нам о ложности полученных Штайнером откровений, аскетика - о ложности пройденного им духовного пути, психология - о ложности его научных построений. Следовательно, вальдорфская педагогика, с какой стороны ни взглянуть, основывается на ложном фундаменте и, утверждая, что подходит к человеку, как к единому целому, на самом деле не знает человека, имея дело с дробящимся и, в конечном счете, безличным призраком его. Здесь очередной "перевертыш" антропософии: называя этот призрак исходным пунктом своей методики, вальдорфская педагогика на самом деле стремится поставить его конечной своей целью. Убедимся в этом.

VI.

Вальдорфская педагогика тесно связана с учением Штайнера о "социальной трехчленности" - социальном устройстве, "изволенном самим Михаэлем" [5]. Суть его сводится к следующему: общество должно быть поделено на три взаимно независимые сферы: политическую, экономическую и культурную.

"Единое государство кажется нам само собой разумеющейся социальной формой жизни. В этом государстве царь, а в более позднее время - круг ответственных политиков отвечают не только за внешнюю политику и соблюдение законов, но и за духовную жизнь и экономическую деятельность... Рудольф Штайнер усматривал суть социальной трехчленности в том, что в областях экономической и правовой деятельности, а также в духовной жизни мы имеем три общественные функции, которые должны управляться параллельно и независимо друг от друга" [18]. Необходимо, чтобы учреждения науки и культуры имели независимые от государства источники финансирования, и тогда "постепенно независимость приведет к тому, что институты образования и науки почувствуют себя свободными, государственные границы раздвинутся и ученые всего мира смогут общаться и сотрудничать между собой. Подобные возможности финансирования, самоуправления и международного сотрудничества должны быть представлены всем корпорациям независимых духовных объединений" [18].

Также и в экономике "надо создать ассоциации предпринимателей, независимых от государственных групп... Ассоциации смогли бы решать по обстоятельствам, носить ли им более локальный характер, или распространяться по всему миру". [18]. При этом, например, вопрос о передаче предприятия от одной группы лиц к другой должен будет решать отнюдь не орган государственной власти, но "компетентный орган свободной духовной жизни" [18]. Представители же государственной власти должны в идеале немедленно решиться на то, "чтобы их внешнеполитические и милитаристские устремления контролировались институтами культуры и экономики, имеющими международную ориентацию" [18]. В реализации этих планов педагогике отводится важная роль. Во всяком случае, "тот, кто хочет до конца понять педагогику Р. Штайнера, не может пренебречь идеей трехчленности" [18].

На практике же задача сводится к тому, что, "по мнению Штайнера, человек должен воспитываться в свободе от требований государственной власти и хозяйственной деятельности до тех пор, пока сам не сможет активно работать в этих областях жизни как гражданин" [18]. Итак, если изложение Р. Карлгреном социальных идей Штайнера корректно, то корректно, очевидно, будет сделать следующие выводы: а) речь идет о создании независимых от государства транснациональных экономических и культурных ("духовных") структур; б) если структуры экономические и должны от кого-то зависеть, то именно от "компетентных органов духовной жизни", таким образом, именно сюда из сферы государственно-политической должен переместиться центр тяжести реальной и наднациональной при этом власти; в) нельзя также отклонить вопрос: почему воспитанный "в свободе от требований государственной власти и хозяйственной жизни" человек, став взрослым, захочет следовать им? Иными словами: не будучи воспитан как гражданин своего отечества, почему он однажды вдруг захочет исполнять свой гражданский долг? Напротив, разве не естественнее будет для него тогда следовать мнениям и указаниям "компетентных духовных органов", указаниям и мнениям, заметим, не опосредованным интересами конкретной нации, общества и государства? Но если так, то включение вальдорфских школ в систему государственного образования не будет ли актом потенциального государственного самоубийства? г) транснациональные структуры, раз возникнув, будут в пределах своем с очевидностью стремиться к всемирности. Кто и с какими целями станет во главе их? Если антропософы, - а они именно претендуют на роль духовного авангарда человечества, - то разве не антихристовой, исходя из изложенного

выше, будет эта власть? Следовательно, изначальная ориентация вальдорфской педагогики на "трехчленность" с непреложностью свидетельствует ее антихристианской направленности⁵.

Ознакомимся наконец с собственно педагогическими идеями Штайнера. Главный тезис: воспитание должно исходить из реалий человеческой природы. С ним трудно было бы не согласиться, если бы мы уже не знали, какие превратные понятия о ней имеет отец антропософии. Тем не менее именно на этом "песке" строится все здание вальдорфской педагогики. В соответствии со структурой человеческой личности жизнь человека разбивается на семилетия, из которых, понятным образом, нас будут интересовать прежде всего три первых. Рождаясь, ребенок покидает организм матери или, как говорит Штайнер, его (ребенка) физическое тело освобождается от своей физической оболочки. По аналогии можно сказать, что в семь лет от своей оболочки освобождается эфирное, а в 14 лет - астральное тело. Соответственно, в первом периоде доминирующими будут процессы, связанные с физическим телом, во втором - с эфирным, в третьем - с астральным. В первом периоде "душа и дух еще не пришли к внутреннему самосознанию... Сознание ребенка и его переживания зависят от того, какие впечатления из физического окружения он воспринимает своими чувствами... Основная форма научения в этот период жизни... - подражание" [4]. Во втором периоде "ребенок становится способен знакомиться с миром и познавать мир в образах... Учитель, способный преподавать образно, то есть не интеллектуально, а возбуждая фантазию и чувство ребенка, становится для него авторитетом..." [4].

Лишь на третьей ступени в человеке подлинно пробуждается интеллект: "Молодой человек осознает свое собственное личное существо... Вместо образного преподавания теперь используются методы, развивающие в молодом человеке способность к суждению, ориентированную на разнообразие мира... тем самым преподаванию основных предметов придается более научный характер, но речь не может идти о том, чтобы навязывать молодому человеку гипотезы и модели... Когда они основываются на собственной оценке ученика, то теряют скрытый догматизм, парализующе действующий на людей этого возраста, который слепую веру выдает за научное знание" [4] - смело сказано для тех, кто на веру принимает сам штайнеровский принцип многосоставности личности и основанную на нем возрастную периодизацию, почерпнутые все в тех же акаша-хрониках. Видно также, что и здесь Штайнер "по себе судит" и по себе строит человека. Указания Штайнера о том, как надо воспитывать ребенка, даны им "с учетом космических сил и законов... которые сам Штайнер мог прежде всего познать из ясновидческого переживания - уже в зрелом возрасте - своего детства и юности" [5].

Дело, впрочем, даже не в этом. "Собственная оценка" ученика тоже ведь должна на чем-то основываться. И внимательное рассмотрение показывает, что вальдорфская педагогика, демонстративно не вмешиваясь в интеллектуальные выводы воспитанника, самым тщательным образом заботится о том, чтобы их "правильные" - михаэлические - посылки были возвращены в учащемуся еще в "эфирном" - доинтеллектуальном периоде. А это значит - заложены подсознательно, что, с одной стороны, позволяет, "честно глядя в глаза", утверждать, что в вальдорфских школах "антропософии не учат"; с другой же - добиться замечательной живучести этих посылок, действительно способных сохранять свою силу "на протяжении всей жизни".

"Антропософам следует преобразовывать методы и организации, но никогда не следует учить антропософии, - так говорил Штайнер, - прежде всего надо овладеть духовной свободой" [9]. Звучит благородно, но не надо забывать, что "духовная свобода" и состоит в возможности достижения "сверхчувственного знания".

В этом смысле замечательно другое признание Штайнера: "Необычайно важно, чтобы человек воспринял тайны бытия в уподоблениях, прежде чем они проникнут в его сознание как законы природы... Представим себе, что с мальчиком или девочкой говорят о

бессмертия души и о ее исхождении из тела. Вести разговор об этом надо путем уподобления, надо сравнить душу, например, с бабочкой, выходящей из куколки...

Посредством таких символов обращаются не только к разуму, но и к чувству и ко всей душе. Человек, которого в детстве вели таким путем, подходит с совсем другим настроением к этим вопросам, когда они ему позднее сообщаются как отвлеченные понятия... Чрезвычайно ясно в данном случае, как плодотворно может действовать антропософия в практической жизни... Когда человек говорит образами, на слушающего действует не только то, что он говорит, но от него исходит как бы тонкий духовный ток, проникающий в того, кто слушает... Но для достижения такого жизненного воздействия воспитатель должен черпать из глубокого оккультного источника" [6].

А поскольку "из глубокого оккультного источника" нам уже известно, что истинной целью антропософии является выведение новой михаэлической расы, то и проследим, как эта задача реализуется в непосредственных усилиях вальдорфской педагогики. Для того постараемся сперва вкратце подытожить, что может и должно играть доминирующую роль в формировании михаэлического "нового человека".

Предшествующее изложение позволяет выделить следующие моменты: во-первых, идею реинкарнации, из которой выводятся и все остальные положения штайнеровской теории; во-вторых, искусство как инструмент будущего самообожения; в-третьих, труды по изменению эфирного тела; в-четвертых, начатки медитативных навыков, открывающие вход в духовный мир.

Эпиграфом же к нашему рассмотрению поставим слова из третьей мистерии Штайнера: "Но должен всех вести я, кто в земном существовании свет духовный принял из рук моих сознательно или нет [16]". Те, кто принял вышереченный свет сознательно, сами, конечно, и ответят за это. Но наш долг - оградить наших детей от бессознательного его приятия - ибо, *еще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми?* (Мф. 6, 23).

VII.

Известной особенностью вальдорфской педагогики является преподавание "по эпохам". Оно сводится к тому, что один предмет изучается в течение 3-4 недель ежедневно, после чего делается перерыв примерно на полгода. Таким способом преподаются не все предметы, но, к примеру, история. При этом в процесс преподавания "интегрируются театральные постановки" на тему проходимого материала. Дети вживаются в определенную историческую эпоху, стараются стать "своими людьми" в ней, сыграть "человека эпохи", воплотиться в него. Затем наступает длящаяся полгода пауза. Затем новая эпоха и новая роль. Представим себе все это на практике и увидим, что на протяжении всего обучения дети, среди прочего, старательно "играют в реинкарнацию"⁶.

Легко предвидеть два главных упрека автору: в чрезмерной подозрительности и в "крестовом походе на культуру". Ответим по порядку.

Искать и видеть подобные "случайные совпадения" нас побудили именно общие методические установки Штайнера и вальдорфцев на "инстинктивное знание". Отчасти мы уже говорили об этом выше, отчасти - скажем в дальнейшем. Кроме того, как мы уже видели, в таких как раз "педагогических" терминах, как переход из класса в класс с перерывами для смены исторических декораций "на арене бытия", и описывает Штайнер суть реинкарнации. Наконец, антропософия вообще придает чрезвычайное значение воздействию ритма на человека (см. об этом подробнее ниже), и ритм обучения "по эпохам" с несомненностью воспроизводит ритм реинкарнации. Не довольно ли совпадений? О действенности же метода предоставляем читателю судить самому. Как бы то ни было, но привычка к историческим "перевоплощениям", несомненно, поможет молодому человеку, когда придет время, узнать⁷ в идее реинкарнации свою собственную идею и "вспомнить" о своих прошлых воплощениях, а другого критерия истины у вальдорфцев, напомним, и нет.

Мы, далее, вовсе не против театральные постановки в школе, но нельзя не видеть, что в вальдорфской методике, даже и безотносительно к теме реинкарнации, искусство занимает место некоей самодовлеющей духовной ценности: "искусство всегда означает процесс одухотворения" [4]. Во-первых, не всегда, а во-вторых, и одухотворение может быть ложным. Искусство, между прочим, преподается в вальдорфской школе не эпохами, а является одним из главных, если не главным стержнем системы. Почему - мы уже говорили: ведь именно в процессе художественной деятельности человек обретает магические способности, необходимые для самообожения.

При таком взгляде на искусство оно неизбежно приобретает религиозные черты, а религии, напротив, отводится роль одной из частных функций культуры, и это ясно подтверждается даже учебным планом вальдорфской школы, где "библейские сказания" идут непосредственно после легенд и басен, предвзято "отечественную мифологию и истории о греческих богах и героях" [18]. Этому же служит знаменитая вальдорфская "истинная толерантность".

Целью считается пробуждение религиозного чувства "самого по себе", вне зависимости от его направленности и наполнения. В таком понимании религиозное обучение вполне сравнимо с обучением музыкальным: "нет причин как-то иначе подходить к вопросу о религии"; разница только в том, что "религиозное чувство имеет гораздо большее значение для практической организации жизни человека, чем, например, музыкальное" [18]. Напомнить ли, что, по слову Апостола, если мы надеемся на Христа только в этой жизни, мы *несчастнее всех человек* (1 Кор. 15, 19)?

И опять: Церковь, к лику святых которой причислен преподобный Андрей Рублев, смешно обвинять в отрицательном отношении к творчеству вообще и художественному в частности: "...и искусствами можно пользоваться без вреда, и к занятию какому-либо нет никакого препятствия, и полководец может начальствовать войсками, и земледелец возделывать землю, и правитель управлять делами... ибо нет нужды удаляться в пустыню, ни питаться необычною пищею, ни переменять одежду, ни расстраивать здоровье, ни на иной какой-либо решаться смелый поступок, но можно, сидя дома и не теряя ничего из своего имущества, постоянно заниматься сими помыслами... Ибо если мы радуемся о прекрасном, конечно, ничего не может быть лучше помыслов, кои предметом имеют Христа и Его человеколюбие" [19]. Эти слова проповедника и практика исихазма Николая Кавасилы, кажется, достаточно определенно свидетельствуют и о надуманности дилеммы "Церковь - творчество", и о том, что только истинная вера и может послужить основанием для истинной культуры⁸. Там же, где доминантой становится художественное творчество само по себе, оно с неизбежностью, замещая собой религиозное, приобретает магические черты.

В вальдорфской школе, впрочем, имеется и собственно магическое искусство - это эвритмия, преподающаяся в обязательном порядке на всем протяжении обучения. Ее формальная суть сводится к тому, что отдельные движения должны выражать не чувства, а звуки: "каждому гласному и согласному звуку соответствует свое специфическое движение" [18]. Сокровенное же и главное заключается в том, что эвритмия - "это возрожденные в современном духе танцы древнегреческих культов" [7].

Танец вообще признается существеннейшей частью мистерияльного культа - "мистерии танцуются", и это так потому, что танец есть "самостоятельный ритм, это движение, центр которого находится вне человека" [12]. Иными словами, смысл танца - в подчинении этому внешнему центру, в подчинении, очевидно, бессознательном, ибо именно таково воздействие ритма на человека. Кроме того, произнесенное по буквам слово утрачивает смысл для говорящего, однако именно в отдельном переживании каждой буквы через жест и состоит практика эвритмии. И совершенно справедливо при этом замечает Штайнер, что тогда человек (или даже группа людей) должен "стать гортанью". Но опять: гортань безразлична к смыслу произносимого ею слова. Что же тогда важно? Обратимся к разъяснениям самого Штайнера.

Эвритмия есть "род языка, выраженного через движение, есть такой язык, который известным образом прекрасно соотносится с событиями, разыгрывающимися в духовном мире... (который) состоит в определенной гармонии с движениями, выражающими мировой звук, мировое слово" [12]. Поясним, что под последним, среди прочего, понимается и уже известные нам "Акаша" и "АУМ" - священный санскритский слог, поставленный Штайнером в начало его "макрокосмической молитвы" и также выражающий звучащую праснову мира. В подобных случаях в антропософии принято также говорить и о Логосе, но надо помнить, что этот миру принадлежащий Логос ничего общего с надмирным Богом Логосом христианства не имеет, однако именно он, согласно Штайнеру, является прасновой человека: в эвритмии "раскрываются тайны логоса" [7].

Цель же эвритмии, стало быть, состоит в бессознательном подчинении человека этому самому космическому логосу. "А потому было бы прекрасно, если бы наша молодежь - до шестнадцати-семнадцати лет - научилась бы этой эвритмии, которая способна всякий раз по-новому переносить духовный мир на физический план" [12]. По-другому назначение эвритмии может быть еще описано как воспроизведение движений эфирных существ и через то установление магической связи с ними согласно принципу "как вверху, так и внизу" (см., напр., [12]). Любопытно и то, что согласно известию Философской энциклопедии, первые ступени антропософского посвящения "включали танцы, выработку эвритмии, постановку театральных мистерий" (т. 5, с. 522), с чем вполне согласуются слова автора немецкой книги о Штайнере Р. Мейера, указывающего на эвритмию как на нечто "в глубочайшем смысле слова самовводящее в антропософское движение" [7]. Введены в него с неизбежностью, стало быть, и все ученики вальдорфских школ.

В конце же нашего краткого экскурса в эвритмию укажем еще на царящую в ней жесткую регламентацию движений: "ни одного произвольного движения", "никакой индивидуальной мимики", все - "одна гортань" - постоянно подчеркивается в наставлениях к ней. Здесь нет, очевидно, места выявлению личного, но речь идет о нивелировке его, в том числе и о "стирании" черт врожденного личного темперамента. И это наблюдение вплотную подводит нас к следующему пункту: тайноводственному развитию эфирного тела, что должно обнаруживаться в усилиях по переделке именно темперамента и отрыве обучаемого от национально-исторических корней и среды.

Посвященная пропаганде вальдорфской педагогики книга Ф. Карлгрена "Воспитание к свободе", на которую мы в основном и опираемся при разборе вальдорфских методик, по интересующей нас теме так прямо и сообщает, что Штайнер "оставил нам разнообразные педагогические наставления, помогающие влиять на темперамент детей и постепенно его преобразовывать" [18]. Не будем теперь вдаваться в подробности этих наставлений⁹ и обсуждать возможности для их положительного применения - нас занимает теперь принципиальное совпадение теории и практики: его мы и обнаруживаем здесь. Также и преподавание истории должно быть, оказывается, поставлено в вальдорфских школах на новую основу, так как необходимость исходить на уроках "из общечеловеческого в противоположность национализму" не позволяет "в качестве отправной точки брать славное прошлое своего народа" [18]. Вообще, даже безотносительно к "национальному вопросу" вальдорфская система при ближайшем рассмотрении выглядит гораздо более жесткой, чем хочет казаться. При преподавании арифметики, например, числа непременно и обязательно должны подаваться как некое делимое на возможные части целое. Исходят при этом из древних мифов, согласно которым "из одной стихии рождались все остальные. Целое делят ради получения частей. Давая задания по арифметике, учитель постоянно указывает на один и тот же принцип: членится, раскладывается некое единое целое. В какой-то момент дети должны *инстинктивно* (курсив мой. - *свящ. П. Х.*) почувствовать, что в конечном итоге мир также представляет собой единство" [18]. Это "инстинктивно", не правда ли, многое проясняет?

Но что дурного, собственно, в идее единства мира? Разве не о ней же говорит

христианство? О ней. Но понимает под нею нечто совсем другое, и этого вопроса мы уже касались, излагая точку зрения антропософии на происхождение и сущность зла¹⁰. Тот же взгляд на вещи мы обнаруживаем и у вальдорфцев. Об этом можно судить по таким, скажем, деталям, как художественные фантазии на тему "идентификация со светом и тьмой" [18] или трактовка Ветхого Завета, навязчиво подчеркивающая нерасторжимость добра и зла: "Адам и Ева нарушают запрет Господа, но с тех пор становятся первыми из людей, кто начал питаться земными плодами. Потомки братоубийцы Каина становятся родоначальниками кочевников, художников, ремесленников. Самонадеянное строительство Вавилонской башни приводит к разобщению языков и народов, но тем самым способствует распространению цивилизации по всей земле" [18]. Антропософское учение о необходимости зла, как видим, проводится здесь вполне последовательно. И даже по подписи к детскому рисунку: "Радость ученика выразилась в том, что вавилонская башня росла все выше и выше" [18] - легко восстановить контекст услышанного детьми рассказа, и если он был подан в живой и занимательной форме - тем хуже для них, ибо здесь они получили еще одну порцию "инстинктивного" знания, на которое будут опираться, когда вырастут.

Все же приведенные нами выше примеры вновь отсылают нас к "наставлениям для эзотерического ученичества", где именно такое отношение к миру вменяется в непременную обязанность новоначального. Сюда же приводит и поиск причин известного пристрастия вальдорфцев к работе с абстрактными цветами, геометрическими фигурами и формами. Здесь, как и в отношении эвритмии, дело обстоит, очевидно, настолько серьезно, что никакие уклонения "к свободе" отнюдь не поощряются. Пусть даже "случайные посетители какой-нибудь вальдорфской школы или выставки работ ее участников часто спрашивают: почему все работы на одно лицо? Почему вы не позволяете детям рисовать так, как они хотят сами?" [18].

В ответ говорится "о неоценимой помощи живописи в корректировке темперамента" [18] (о цели ее см. выше), а также о том, что в вальдорфской школе обучают живописи "не путем собственного произвола, а исходя из природы самих красок" [18]. Но истинный ответ конечно же надо искать у доктора Штайнера, и мы находим его. Вот он: "До тех пор, пока эзотерический ученик привязан к понятиям, которые берут материал из чувственного мира, он не сможет достигнуть ни одной истины о высших мирах. Он должен усваивать представления, свободные от связи с внешними чувствами..."

В эзотерическом развитии не продвигается ни один человек, который не постигает всего значения для жизни этих так называемых абстракций и не обогащает свою душу соответствующими представлениями" [10].

Также и умение "совершенно непредвзято выступать навстречу любому новому опыту" [10], которым, согласно Штайнеру, надо овладеть на пятом месяце "окультурного развития", не чуждо вальдорфской методике. Здесь учат детей, например, с воодушевлением принимать сторону то лютеран, то католиков [1], то коммунистов [18]¹¹, чем осуществляется "одна из самых главных задач познавательной работы - не только представлять различные альтернативы мысли, но и суметь в какой-то степени отстаивать каждую из них" [18]. Главное же, добавим от себя, - "инстинктивно" закладывается мысль о несуществовании объективной истины. Истину, стало быть, следует искать внутри себя, а внутри - только несколько "инстинктивно" же всеянных мыслей из антропософского обихода, они-то и будут оказывать преобладающее влияние на выпускника вальдорфской школы "в течение всей жизни". Таково, очевидно, подлинное назначение вальдорфской педагогики.

К сему добавим несколько слов об обязанностях и назначении педагога в вальдорфской школе. Ему прямо предъявляется требование "полностью отдаваться этой профессии" [2]. И если мы захотим узнать, что "дает сотрудникам школы Р. Штайнера силы к огромному труду, который они делают исключительно из любви к задаче и из внутренних побуждений, то ответ будет один: "Это постоянное занятие духовной наукой -

антропософией. Это мировоззрение будит спящие силы человека... Антропософия ведет к новому пониманию Христа (какому - мы уже знаем. - *Свящ. П. Х.*)... Художественный элемент пронизывает все то, что творится на антропософских полях деятельности как оживляющая, дающая новые возможности во всех областях жизни творческая сила" [2].

Приведем также выдержку из плана семинарских занятий для педагогов-вальдорфцев:

- введение в антропософию посредством изучения основных трудов Рудольфа Штайнера, таких, как "Теософия", "Очерк тайноведения", "Как достигнуть познания высших миров" - 1,5 часа еженедельно;

- семинарская работа над книгами (Р. Штайнера) о человекопознании, антропологии и педагогике - 3 часа еженедельно;

- основательное введение в антропософскую педагогику и дидактику с помощью книги Р. Штайнера "Здоровое развитие телесно-физического как основа свободного проявления душевно-духовного" - без указания часов.

Вообще "стало правилом, что учителя не могут выполнять своих ежедневных обязанностей без тщательного изучения человековедения Р. Штайнера и без внутренних усилий, которых требует антропософский путь развития" [18].

Итак, педагог вальдорфской школы есть антропософ по преимуществу. Перед нами снова возникает еще в начале работы подмеченный парадокс: возможно ли, чтобы антропософ не учил антропософии? Возможно ли, чтобы антропософ не работал на распространение антропософских идей в обществе? Иначе тогда зачем и вообще ему заниматься социальной деятельностью? Надеемся, что весь ход нашего изложения показал, что на самом деле никакого противоречия здесь нет. Точнее, есть, но другое: между декларациями и практикой. Потому, не умножая более цитат и выкладок, перейдем к выводам¹².

VIII.

1. На первый взгляд, антропософское общество с произросшей из него вальдорфской школой мало походит на секту. Но если мы перечислим четыре основных признака тоталитарной секты, принятые в западном религиоведении (см. [20]), то обнаружим, что все они свойственны начатку новой михаэлической расы. Признаки эти суть таковы:

- а) *наличие гуру - гуруизм.* Штайнер, без сомнения, годится на эту роль. Все построения антропософии и антропософов замыкаются на него, как на конечную и непререкаемую инстанцию. По точному выражению отца Сергия Булгакова, антропософия - это "вера в доктора"¹³. Своеобразие же антропософии состоит в том, что в отличие от большинства сект, возглавляемых ныне живущими гуру, ею руководит "вечно живой" Штайнер. Во всяком случае, по словам одного из руководителей российского антропософского общества С. О. Прокофьева, задача состоит в том, чтобы "дать Рудольфу Штайнеру возможность действовать среди нас" [5];

- б) *организация.* Скажем сразу, что структурное строение антропософского общества известно нам только в самых общих чертах, хотя несомненно существует более или менее тайный круг профессионально организованных антропософов. Но согласно тем же религиоведческим нормам, критерием организованности секты является не только и, может быть, даже не столько наличие видимой иерархии, сколько умение явно и неявно проникать в государственные структуры и занимать в них господствующее положение. Примеры того, как легко вальдорфцам находить общий язык с президентами, мы уже приводили. Для сравнения отметим также, что, имея Государственную академию эвритмического искусства, мы не имеем, к примеру, государственной же академии знаменного пения. Почувствуем разницу;

в) *метод*. Метод, конечно, тоже есть: то, что "духовная наука" является для вальдорфцев ключом ко всем тайнам жизни - от мироустройства до диеты, кажется, уже достаточно ясно. Как особую находку можно также выделить метод "инстинктивного знания";

г) *эзотерический разрыв*. Под ним подразумевается то, что стоящим на нижних уровнях секты неизвестны истинные цели ее основателей и руководства. Наличие такого "эзотерического разрыва" в вальдорфской педагогике легче всего продемонстрировать на примере той же эвритмии: занимающиеся ею дети - а видимо, и не только дети - вряд ли подозревают, что истинная цель их действий состоит в установлении связей с иерархиями¹⁴.

Итак, с точки зрения религиоведческой, антропософское общество представляет из себя антихристианскую секту, мистической вершиной которой является ее "групповое я" - "эгрегор", возглавляемый духом покойного доктора Штайнера и направляемый непосредственно духом времени Михаэлем. На земном плане основанием пирамиды является вальдорфская школа, осуществляющая на практике антропософский замысел о человеке. Как таковая, она вполне может быть рассмотрена в качестве низшей или уж, во всяком случае, "подготовительной" ступени антропософского посвящения, ибо "свет духовной истины" дозволяется принять и бессознательно. Потому все декларации о том, что в вальдорфских школах антропософии не учат, не затрагивают существа вопроса¹⁵. По своим основным параметрам секта относится, очевидно, к движению "New age".

2. Станем на минуту на точку зрения тех антропософов, которые утверждают или будут утверждать, что михаэлические устремления суть лишь взгляды немногих, не имеющих веса в антропософском движении фундаменталистов, что наши выводы натянуты и неверифицируемы, что лишь малое число вальдорфских выпускников идет в антропософы (по слухам, не более 5 %, а вообще проявляет интерес к антропософии не более 17 %) и т. д. и т. п. Пусть так. Однако не следует забывать, что антропософия вообще претендует на эзотеричность - следовательно, все и не должны быть антропософами.

Вполне достаточно, если "массы" будут сочувствовать антропософским идеям, а поведут их уже "избранные". Вот их-то отбор и осуществляется в вальдорфских школах. Впрочем, даже не за пятью из ста, а за одной заблудшей овцой заповедано нам ходить Господом, да и из числа выпускников воскресных школ в иноки, думаю, идет не более, если не менее, но не значит же это, что там дети не получают православного воспитания. Главное, впрочем, не в этом.

Замечательная и не отмеченная нами еще особенность вальдорфской методики состоит в том, что учеников ее всячески оберегают от всех возможных "ложных авторитетов" (включая, конечно, и авторитет Церкви), но при этом всячески же поддерживается и укрепляется единственный позволенный авторитет: авторитет учителя, ведущего детей, напомним, с первого по восьмой класс. Легко понять, что это тот авторитет, который сохранится в сердце ученика на всю жизнь. И это будет авторитет если не антропософии, то антропософа. И нет ничего легче, чем перейти от него к авторитету учения.

Кратко сказать: вальдорфские школы так или иначе призваны работать на распространение и утверждение антропософских взглядов в обществе. Здесь и для нас "непоколебимым" является авторитет "доктора", утверждавшего, что "духовные импульсы должны обретать практические очертания... иначе антропософия так и будет считаться своего рода религиозным сектантством отдельных страных мечтателей. Если же она будет выполнять позитивную полезную духовную работу, то в дальнейшем духовно-научному движению нельзя будет отказать в сочувствии и признании" [18].

Итак, "позитивная духовная работа" вальдорфских школ - не более чем наживка на антропософскую "удочку", и по сути своей представляет тот самый плод, который будучи *красен и угоден очима видети*¹⁶, послужил, однако, причиной грехопадения первого

человека. Для полноты сходства напомним, что ничего иного, как самим пробиться в боги, Штайнер и не обещает.

3. Рассмотрим теперь и точку зрения тех, кто считает, что вальдорфской методикой можно и нужно пользоваться вне всякой связи с антропософией, что она хороша сама по себе, так как ориентирована на культурное и духовное развитие человека вообще, вне зависимости от религиозной составляющей человеческого бытия. Пусть так. Но и здесь надо понимать, что если вальдорфская методика воспитывает религиозный релятивизм, то это отнюдь не означает, что она не дает мировоззренческих установок вообще. В плане философском, они могут быть условно определены как некое "постфихтеанство", научающее человека искать критерии истины только в субъективных установках собственного "я". В плане религиозном это есть поиск самообожествления - естественный и неизбежный вывод из применения на практике антропософии как принципиального человекобожия.

Весьма показательно, что, согласно антропософии, не в чем-то, но именно в "фантазии"¹⁷ человек черпает силу для преодоления всего того, что есть, и - через собственную деятельность - для достижения того, что будет" [18]. Придание искусству и человеческому художественному творчеству самодовлеющей духовной ценности препятствует человеку увидеть истинную духовную ценность в Боге, объективно способствует возрастанию "самости" в человеке и тем самым закрывает ему путь ко Христу - не "эфирному", а истинному - Живому, "распятому за ны при Понтийстем Пилате... и воскресшему в третий день по Писанием". "В минуту жизни трудную" вальдорфец обратится скорее к своей фантазии, к сонате Брамса, к "звездному небу над головой", чем к Богу со словами покаяния и любви. И это будет его конечное поражение, тем более страшное, что он не сможет "отличить его от победы"¹⁸.

Итак, вальдорфская методика как система, даже вне ее связи с антропософией, является антихристианской по существу и направленно работает на отдаление человека и мира от Христа, иными словами - на апостасию¹⁹.

4. Некоторые антропософы утверждают, что в России вальдорфские школы уже не те, что на Западе, уже суть не таковы, какими задумал их Штайнер, и потому "безопасны" для православных. Более того, православных педагогов зовут воспользоваться накопленными "уникальными" методиками и вообще совместно трудиться над "спасением России". Однако это совершенно неприемлемо для нас, ибо означает включение Православия *de facto* в антропософскую схему мироустройства на правах исторически преходящего этапа в становлении духовной науки. Вальдорфская школа "с православным уклоном" есть принципиальное согласие с антропософией, а *кое общение свету ко тьме* (2 Кор. 6, 14)? И не будем обманываться: в книгах, авторы которых предназначают их для прочтения "только антропософами", открыто пишется о том, что именно в "традиционных формах духовности церковной и поджидает душу, отказавшуюся принять сознательное участие в борьбе Михаэля с драконом, Люцифер" [5]. С точки зрения антропософов, Церковь - не более, чем "необходимое зло". Участвуя так или иначе в вальдорфском движении, мы молчаливо соглашаемся с этим. Но нам должно при сем руководствоваться хотя бы примером святителя Григория Богослова, отвечавшего еретикам на песни - песнями и на стихи - стихами. Современная православная педагогика должна принять вызов вальдорфской и достойно ответить на него.

Познайте истину - *и истина свободит вы* (Ин. 8, 32). В этих словах Спасителя - единственное основание для подлинного "воспитания к свободе". Во всех остальных случаях мы рискуем вырастить не более, чем "рабов греха"²⁰. Таков последний итог нашего рассмотрения вальдорфской педагогики, вполне согласный со словом евангельским, предупреждающим нас, что *не может... древо зло плоды добры творити* (Мф. 7, 18).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письмо начальника Центрального окружного управления Московского департамента образования Е. А. Потапова от 05.12.96, № 2-6-638.
2. Из концепции ведения школы при семинаре Центра педагогики и лечебной педагогики Рудольфа Штайнера в Москве; подписано директором Центра г-жой Штеклин 1 ноября 1996 года.
3. *Архимандрит Амвросий*. Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М., 1994. Репринт.
4. *Краних Э. М.* Свободные вальдорфские школы. М., 1992.
5. *Прокофьев С. О. Р.* Штайнер и краугольные мистерии нашего времени. Ереван, 1992.
6. *Штайнер Р.* Из области духовного знания. М., 1997.
7. *Meyer R.* Wer war R. Steiner. Stuttgart, 1961.
8. Переселение душ. Сборник статей. Париж. Б. г.
9. Воспитание к свободе. Альманах вальдорфской педагогики. 1993/1994.
10. *Штайнер Р.* Наставления для эзотерического ученичества. СПб., 1994.
11. *Штайнер Р.* Эфиризация крови. М., 1994.
12. *Steiner R.* Die Entstehung und Entwicklung der Eurythmie. Dornach, 1965.
13. *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Творения. Т. III. М., 1993. Репринт.
14. *Штайнер Р.* Путь к самопознанию человека. Ереван, 1991.
15. *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Творения. Т. I. М., 1993. Репринт.
16. *Прокофьев С. О.* Кармические исследования Р. Штайнера и задачи антропософского общества. М., 1995.
17. Православный путь. Джорданвилль, 1963.
18. *Карлгрен Ф.* Воспитание к свободе. М., 1993.
19. *Кавасила Н.* Семь слов о жизни во Христе. М., 1874.
20. *Дворкин А.* Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 1998.
21. Развитие (научно-педагогический вестник по вальдорфской педагогике). 1998.

№ 2.

Священник Павел ХОНДЗИНСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Окончание. Начало см.: "Журнал Московской Патриархии". 2000. № 8. Приносим нашим читателям извинения в связи с тем, что в "Журнале Московской Патриархии" (2000. № 8) не был полностью приведен список литературы к статье священника Павла Хондзинского. - *Прим. ред.*

² См., например, об этом у преподобного Иоанна Дамаскина в "Точном изложении православной веры" (гл. XXVI. "О том, что случается").

³ Все знакомые мысли. Скрябин собирался, как известно, написать "Мистерию", в ходе которой должно было совершиться "преображение" человечества. Дописать "Мистерию", внезапно скончавшись, он не успел. Но зато среди прочего написал 7-ю сонату для фортепиано, которую В. В. Софроницкий не решался никогда играть, опасаясь, что может умереть от этого.

⁴ Согласно святым отцам, мир создан Богом из любви: "поелику для Благости не довольно было упражняться в созерцании Самой Себя, а надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее, чтобы число облагодетельствованных было как можно больше, ибо сие свойственно высочайшей Благости" (Святитель Григорий Богослов. Указ. соч. С. 664).

⁵ И опять: если возможно иное прочтение идей "социальной трехчленности", то мы согласимся отказаться от наших выводов только тогда, когда нам докажут, что Карлгрен грубо и намеренно извратил Штайнера. Ибо кто иначе решится утверждать, что эта трактовка не будет однажды предпочтена всем остальным?

⁶ "Само собой, без внешних влияний должно совершаться его развитие в то время, когда перед душой проходят иносказания и образы, повествующие о загадках жизни и тайнах природы. Если в период между седьмым годом и наступлением половой зрелости деятельность мышления и способность суждения подготавливаются именно так, в окружении других душевных переживаний, то с наступлением половой зрелости человек оказывается в состоянии вполне самостоятельно формировать собственное мнение в отношении того, с чем он встречается на путях жизни и познания" (*Штайнер Р.* Воспитание ребенка с точки зрения "духовной науки". М., 1993. С. 27).

⁷ "Заметим, что художественная чуткость, соединенная с сосредоточенной глубокой натурой, есть лучшее предварительное условие для развития оккультных способностей" (*Штайнер Р.* Путь к посвящению. М., 1991. С. 20).

⁸ "Должно быть поставлено непреложным законом, чтобы всякая преподаваемая христианину наука была пропитана началами христианскими, и притом православными. Всякая наука способна к тому, и даже только и будет истинною наукою в своем роде, когда исполнит это условие. Христианские начала несомненно истинны. Потому, не сомневаясь, поставляй их общею меркою истины" (*Святитель Феофан Затворник.* Путь ко спасению. М., 1899. С. 45. Репринт).

⁹ Для справки: по данным психологических тестов, следствием членства в тоталитарных сектах, таких, как "Церковь Христа", "Церковь объединения", "Общество сознания Кришны" и т. п., является изменение врожденных характеристик личности - в том числе и смена типа темперамента (см. [20]). При этом в вальдорфских школах "на фоне уравнивающего воздействия применения учения о темпераментах на развитие ребенка происходит постоянно изменение темперамента. В переходном возрасте... ребенок-холерик превращается в сангвиника, сангвиник - во флегматика, флегматик - в меланхолика и меланхолик - в холерика (Гуманистическая направленность штайнерской педагогики. М., 1999).

¹⁰ Одной из характерных особенностей тоталитарных сект, между прочим, является наличие в них своего языка: "Это может быть и русский язык, но в нем происходит тонкая подмена понятий, когда ключевые слова приобретают другое значение" [20]. Аналогичным образом в антропософии происходит подмена христианских понятий и терминов.

¹¹ "Люди, услышав или узнав что-нибудь, говорят: этого я никогда не слышал, этого я еще никогда не видел, этому я не верю, это - заблуждение. Эзотерический ученик должен совершенно порвать с таким образом мыслей... если кто-нибудь подойдет к эзотерическому ученику и скажет ему: ты знаешь, колокольня такой-то церкви стоит с нынешней ночи совсем косо, то эзотерик должен оставить открытой возможность усмотреть в таком по-видимому неслыханном факте все же некоторое расширение известных ему до сих пор законов природы" [10]. И еще: "В оккультных школах... ученики обязаны в известное время выслушивать мысли, противоположные их убеждениям, и при этом заставлять умолкать внутри себя всякое чувство несогласия, и в особенности недовольства" (*Штайнер Р.* Путь к посвящению. С. 23).

¹² Да не посетует на автора читатель за то, что разбор собственно вальдорфских методик занял меньшую часть статьи. В ней автор стремился прежде всего не к исчерпывающему их анализу, но к обретению "ключа", позволяющего обнаружить принципиальное единство антропософской теории и вальдорфской практики.

¹³ "И всегда, когда доктор Штайнер бывал в классе, наступало чувство глубокой удовлетворенности в истинном смысле этого слова" [18].

¹⁴ По свидетельству очевидцев, в конце эвритмического урока ученикам первого класса велят становиться на колени, воздевать вверх руки и взывать: "Солнышко, дай нам силы".

¹⁵ В старших классах учить антропософии можно уже почти и открыто. Здесь и "исторические" предпосылки трехчленности [18], и учение о "спящей воле" в курсе

биологии [18], и "невинный" интерес к системе Птолемея, которая, между тем, согласно Штайнеру, фиксирует реалии "духовного космоса".

¹⁶ Древо познания плохо не само по себе - "напротив того, оно было хорошо для употребляющих благовременно, но не хорошо еще для простых и для неумеренных в своем желании" (*Святитель Григорий Богослов. Указ. соч. С. 666*). Иными словами: плод дурен не тем, что "красен", а тем, что съеден не по Божию изволению.

¹⁷ "Очевидно, что все, сочиненное мечтательностью нашей падшей природы, извращенной падением природы, не существует на самом деле, - есть вымысел и ложь, столь возлюбленные падшему ангелу" [15]. Напомним, что первая ступень "древнехристианского посвящения", о котором мы уже говорили выше, должна включать, согласно Штайнеру, слуховые галлюцинации: журчание воды у ног ученика.

¹⁸ "Гений и злодейство - две вещи несовместные", - сказал Пушкин. Сказал, потому что был христианином, потому что был человеком православной культуры. Теперь не то: теперь творец - прежде всего человек культуры (православный, не православный - дело десятое). При этом религиозные ценности становятся поводом для "игры в бисер", а художественный гений приобретает явственные черты *Übermensch'a*, стоящего "по ту сторону добра и зла". В меру сил за ним тянутся остальные.

¹⁹ "Любезные братья! Знаю я, что среди вас есть и такие, для которых всего дороже в христианстве его старые символы, старые чины и молитвы, иконы и чин богослужения. И в самом деле, что может быть дороже этого для религиозной души? Знайте же, возлюбленные, что сегодня подписан мною устав и назначены богатые средства Всемирному музею христианской археологии..." - так говорит герой повести об антихристе Владимира Соловьева. Мысль отвести христианству место в музее "общечеловеческих ценностей", с несомненностью должна ему принадлежать. Музей по определению наполнен мертвыми вещами. "Общекультурный" взгляд на христианство - взгляд антихристианский преимущественно. Это косвенно подтверждает и еще один ценитель искусства: "Мы поощряем возвращение к более традиционным ценностям в искусстве и литературе, требующим мастерства техники и эмоциональной связи формы и функции, проекта и исполнения. Все, во что человек вкладывает частичку себя... Мы призываем каждого индивидуума искать человеческое величие везде, где оно может быть найдено, от хранилища истории и до талантов, произведенных настоящим... Истинная красота и великолепие должны быть взлелеяны. Каждый индивидуум должен выбрать для себя его собственные эстетические стандарты, но мы думаем, что имеются некоторые элементы достижений, которые являются бесспорными, даже если они не устраивают каждого. Например, никто не может отрицать совершенную завершенность, свойственную симфонии Бетховена, скульптуре Микеланджело, живописи да Винчи или пьесе Шекспира".

"Голос знакомый, а слов не пойму", - сказал поэт. Здесь же наоборот: слова все знакомые, а вот голос, быть может, не всем покажется знакомым. Он принадлежит магистру Петеру Х. Гилмору, священнику церкви сатаны, распространяющему в интернете ее программные документы. Он утверждает также, что "эстетика важна в меньшей (так в подлиннике - *свящ. П. Х.*) магии и должна быть культивирована".

²⁰ "Цель свободы человека - в ней самой, и не в человеке, а в Боге. В свободе Бог уступает человеку как бы некую часть Своей Божественной власти, но с тем, чтобы он сам произвольно принес ее в жертву Богу как совершеннейшее приношение" (*Святитель Феофан Затворник. Указ. соч. С. 150*).